

Из-за чего начались злоключения Кая. Осколок зеркала попал ему в глаз, и он из доброго и отзывчивого мальчика превратился в злого и жестокого. Сказка может послужить материалом для разбора таких понятий, как добро и зло, а отсюда легко перекинуть мостик для разговора о том, что такое грех и как его исправить.

Имея такой мощный материал для преподавания курса «Православная культура» только на уроках литературы дети будут просвещаться, воспитываться в духовно-нравственном направлении в естественной среде школьных будней. Каждый человек должен понимать, что русскую культуру нельзя разделить на светскую и религиозную. Светская современная культура, захватившая сознание подрастающего поколения и молодежи нашей страны, привела к тому, что ищется выход для спасения страны.

Как же мудр и проницателен был русский писатель Иван Шмелев, обратившийся с призывом: «*Читайте Пушкина и Евангелие!*».

Литература

1. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. По благословению святейшего патриарха московского и всея Руси Алексия II. – М.: Российское библейское общество, 1995. – 1376 с.
2. Быков Д. Л. Борис Пастернак. – М.: Молодая гвардия, 2005.
3. Габдуллина В.И. «Блудные дети, двести лет не бывшие дома»: Евангельская притча в авторском дискурсе Ф.М. Достоевского: монография /В.И. Габдуллина; отв. ред. В.Г. Одинок. – Барнаул: БГПУ, 2008. – 303 с.
4. Данилок А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. «Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России». Серия «Стандарты второго поколения». – М.: «Просвещение», 2009. – 24 с.
5. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание / Ф.М. Достоевский. – М.: Художественная литература, 1970. – 576 с.
6. А.С. Пушкин «Станционный смотритель».
7. Б. Пастернак «Доктор Живаго». – М.: Дрофа: Вече, 2002. – 672с.
8. Сказки Андерсена в переводе с подлинника А. и П. Ганзен. – СПб.:1991. – С. 327
9. Тургенев И.С. «Отцы и дети». – М.: Художественная литература, 1983. – 543 с.
10. Урицкая Б.Я. Христос Воскресе. Евангельские сюжеты и молитва в русской поэзии / Б.Я. Урицкая. – СПб.: Общество памяти игуменнии Таисии, 2011. – 210 с.

ДВЕ СМЕРТИ Проселкова Т.В.

*Белгородский государственный национальный исследовательский
университет*

*Бог умер.
Ф. Ницше (1882 г.)*

*Ф.Ницше умер.
Бог (1900 г.)*

Кризис фундаментальной науки – тема, во многом табуированная для обсуждения. Насколько неприемлемо для современного общества само признание проблемы ярко показала реакция на книгу американского журналиста Джона Хоргана, попытавшуюся, и не без успеха, это табу снять¹.

¹ Джон Хорган. Конец науки. Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки. – М., 2001.

«После того как книга была опубликована, – пишет Хорган, – на меня посыпались обвинения – от советника Билла Клинтона по науке, от министра науки Великобритании, от главы NASA, от руководителя проекта Human Genome Project, от редакторов журналов Science и Nature, от десятков нобелевских лауреатов... По большей части в этих обвинениях отсутствовало опровержение выдвинутых мною аргументов; в них содержались лишь декларации веры в дальнейший технический прогресс»¹. Реакция на столь высоком уровне вполне объяснима – Хорган не просто журналист «с улицы». Он долгое время работал ведущим обозревателем журнала «Scientific American» и интервьюировал крупнейших ученых практически во всех сферах естествознания, его книга – это сборник таких интервью, систематизированных по рубрикам («Конец космологии», «Конец эволюционной биологии» и т.д.) и снабженных авторскими комментариями. Из множества симптомов кризиса, приведенных Хорганом, выделим два крайне важных. Во-первых, уменьшение числа, а затем и полное прекращение фундаментальных открытий первого ранга, то есть открытий, принципиально меняющих наши представления о мире – таких как, например, ньютоновская теория. Во-вторых, широкое распространение, в том числе в академической сфере, так называемой «иронической науки» (термин Хоргана), т.е. науки, выводы которой никогда не смогут быть проверены экспериментально, а значит, представляют собой вид научного мифотворчества – например, многочисленные космологические теории.

Широкое распространение «иронической науки» вызвано тем, что кризис зашел достаточно далеко, в частности, стало невозможным провести демаркационную линию между наукой и ненаукой. «Сегодня сама наука не в силах внятно определить свои границы – границы научного знания, научного дискурса. Такие границы определяет то, что мы называем эпистемой научного знания, принятой в данный период. Так вот в данный конкретный период наука пребывает в состоянии, которое называется *эпистемный вакуум*. Единой рабочей эпистемы в науке нет. В сравнительно еще недавний период господствующей эпистемой служила классическая рациональность, основанная на субъект-объектной парадигме познания. Она имела определенно негативные установки по отношению к богословию и религии, но сегодня она сама вполне устарела и отвергнута. Хотя в широкой среде, в кругах технических или естественнонаучных, еще нередко пытаются ею руководствоваться, пытаются выстраивать отношение к религиозному знанию на ее базе, – но эти попытки уже надо считать несостоятельными. Новой же эпистемы пока не создано, и в такой ситуации требование научности попросту демагогично, ибо сама наука не может его строго и точно до конца эксплицировать», – отметил в одном из своих интервью известный философ и математик С. Хоружий. Это означает, что кризис науки является системным, наука утратила самоидентификацию.

Переосмысление истоков, методов и самого содержания научного знания в таких условиях стало неизбежным. Во второй половине XX века, особенно в

¹ Джон Хорган. Еще раз о конце науки // <http://www.osp.ru/os/2004/03/184063/>

его конце и начале XXI века появился интенсивный поток работ, посвященный вненаучным основаниям научного знания и всевозможным экстерналистским влияниям на нее. Такой подход следует признать естественным – чтобы понять, как работает система, надо выйти за ее пределы. Прежняя прогрессистская парадигма предполагала, что простое течение времени обеспечивает накопление научных знаний и кардинальное изменение мира на основе их применения, поскольку естественный разум с неизбежностью освобождается от всего, что сдерживает его развитие (религиозных «пут», в первую очередь). Отметим, что эта схема по-прежнему является основной для подавляющего большинства учебников по истории и философии науки. Однако, как пишет историк науки Лорен Эйсли, «Наука совсем не являемся "естественной" для человечества. Любознательность и пытливость о мире, действительно, естественны, но институциональная наука много больше, что это. У нее есть принципы, которые должны быть освоены, практики и техники, которые должны передаваться из поколения в поколение в формальном процессе образования...она есть изобретенный культурой институт, который отнюдь не присутствует во всех обществах, и вовсе не тот, который, является естественным продуктом человеческой природы» (цит по книге N.Pearcey¹). Тип мышления, который мы сейчас называем научным, с его упором на эксперимент и математическое формулирование результатов, уникален в истории – все великие цивилизации прошлого пережили расцвет и падение без малейших намеков на него. Он появился на очень ограниченном географическом пространстве и на очень небольшом по историческим меркам отрезке времени. Это пространство и время в точности совпадают с ареалом возникновения, распространения и развития христианской цивилизации.

На связь экспериментального метода с христианской теологией волюнтаризма, как известно, обратил внимание французский физик, философ и историк науки Пьер Дюгем еще в XIX веке. Но первым явно выразил и дал, кроме исторического, еще и *логико-философское* обоснование экспериментального метода как следствия тестирования рациональных умозаключений на совместимость с христианской догматикой оксфордский философ М.В. Фостер в своей работе «Христианская доктрина Творения и рост современного естествознания»² (а также двух последующих за ней³).

Аргументация его следующая. Очевидна корреляция, а по Фостеру строгая связь (*strict reciprocal implication*) между богословием (доктриной бога), натурфилософией (теорией природы) и естествознанием (наукой о природе). Действительно, не бывает доктрины бога без суммы представлений о том, что собой представляет окружающий мир и природа как его часть, а то, как мы себе мыслим сущность природы, в свою очередь определяет наши методы ее исследования. Две великие философские традиции древних греков платоновская и аристотелевская определяли природные объекты как

¹ Nancy R.Pearcey and Charles B.Thaxton. "The Soul of Science", Crossway Books, 1994.

² M.B.Foster. "The Christian Doctrine of Creation and the Rise of Modern Natural Science, "Mind 43 (1934), 446-68

³ M.B.Foster. "Christian Theology and Modern Science of Nature (I)", Mind 44 (1935), 439-66, "Christian Theology and Modern Science of Nature (II)", Mind 45 (1936), 1-27.

артефакты. Сущностью вещей была умопостигаемая форма, воплощенная Демиургом в материи с помощью искусства (техне). Такой взгляд подразумевает вечность, как формы, так и материи и, тем самым, волевая деятельность Демиурга, как любого ремесленника, определяется целью или планом. Конечно, он может избежать диктата разума, но это просто будет означать его неудачу как мастера, что невозможно. Поэтому все, что не обусловлено необходимостью, есть случайный (contingent) элемент в вещи, не служащий его цели, но эта случайность может проистекать только от сопротивления косной материи, поскольку искусство Демиурга совершенно. Таким образом, ощущения дают только несовершенное знание и не есть путь познания. Конечно, чтобы прийти к определению сущности, к постижению ее формы некоторый чувственный опыт необходим, но подлинное познание предполагает способность к интеллектуальному «прыжку», к постижению формы, в которой уже нет чувственности вообще. Отсутствие эмпирического элемента в науке греков целиком определяется этим обстоятельством.

Однако деятельность Творца превышает все установления разума и находит свое завершение в случайном (contingent¹) бытии творения, т.е. в том его элементе, который избежал определенности формой, а именно *материи* как таковой. Эта случайность есть уже не просто несовершенство, но именно то, что определяет природный объект как более, чем воплощение формы, а именно, *тварь*. Но тогда он может быть познан только через чувственный опыт и этот момент неизбежен, причем не просто как этап в достижении адекватного знания посредством разума, но неизбежным, потому что знание посредством разума не может быть адекватным природе, которая есть больше, чем воплощение формы. Опора на чувственный опыт как на свидетельство, а не просто как на иллюстрацию, есть то, что составляет эмпирический характер современной науки, и заключительный вывод – *только сотворенная природа может быть объектом эмпирической науки*.

По Фостеру, содержание процесса развития всей западной интеллектуальной традиции есть постепенная трансформация классического греческого рационализма христианским Откровением. Напряжение, возникшее из попыток совместить несовместимое – абсолютный разум и абсолютную волю, определило весь ее необыкновенный динамизм, яркость и плодотворность.

Современная наука смогла начаться только тогда, когда под влиянием Откровения современные основные предположения о природе заменили греческие. И доктрина Творения не единственная послужила источником и вдохновителем этой замены. В трудах известного богослова Томаса Торранса,

¹ Само это слово в своем развитии сейчас закрепилось в устойчивом выражении «contingent order», подразумевающим тот порядок, который установил Бог в мире и который раскрыли в своих творениях отцы Церкви первых веков христианства. Он основан на сопряжении духовного и физического и с философской точки зрения представляет собой синтез представлений о трансцендентной власти Бога над миром и имманентной Его властью в самом мире. Поэтому переводить слово «contingent» как «случайный» в этом выражении не совсем корректно, в литературе предлагаются разные варианты (например, в книге А. Нестерука «Логос и космос: Богословие, наука и православное предание». (М., 2006) – «свободно-обусловленный»), но представляется, что в данном контексте можно оставить просто «случайный», поскольку здесь слово функционирует самостоятельно, хотя и нагружено тем же смыслом.

богословие которого близко к святоотеческому, раскрыта роль в этом процессе догмата Воплощения, а доктрина Грехопадения лежит в основе всего научного проекта эпохи Модерна. Кроме того, фундаментальное понятие современной науки «закон природы» сформировалось в напряженном противостоянии христианских ученых, работавших в русле неоплатонической традиции с одной стороны и механической с другой в их попытках раскрыть и выразить волю Бога о мире¹. Каждая из сторон при этом руководствовалась исключительно мотивами благочестия (синтез этих двух подходов был осуществлен И.Ньютоном). Таким образом, христианская вера была модератором процесса формирования современной науки во всех ее аспектах, а христианская теология одним из основных источников ее категориального аппарата.

В современной нам науке, как источник творчества, так и его критерии полностью изменились – научный поиск сейчас определяется только личным любопытством и честолюбием ученого, поощряемого обществом. Однако, как уже было сказано выше, этих факторов недостаточно для плодотворного развития науки. Симптомы этой недостаточности мы, по-видимому, и наблюдаем. *«Смерть Бога», торжественно объявленная современной культурой, закономерно ведет к смерти науки – драгоценного и уникального плода христианства.* Конечно, как многие развитые системы, наука еще долго сможет работать в автономном режиме, на инерции и том «заделе», который был сделан предыдущими поколениями – будут и победы над болезнями и, особенно, будет развиваться техника, благодаря которой мы можем не замечать кризиса. Но сколь оправдана эта позиция, если наша цивилизация действительно так ценит науку, как это декларирует?

Логико-философское и богословское переосмысление оснований, развития и самого феномена науки как такового на основе подлинных исторических фактов, а не мифологии, было бы первым шагом на пути к подлинной самоидентификации науки. Что, конечно, не обеспечивает автоматически выздоровление пациента, но служит необходимым этапом на пути к нему.

КАК ВОСПИТЫВАТЬ И НАКАЗЫВАТЬ ПО ЕВАНГЕЛЬСКИМ ПРИНЦИПАМ?

*Пузанова М.Н., воспитатель МБДОУ комбинированного вида д/с № 52
г. Белгорода*

Сегодня в стремительный век информатизации и нанотехнологий проблема воспитания подрастающего поколения отходит на второй план.

Конечно, новое молодое поколение должно быть креативным и свободным, но, в то же время, – законопослушным и способным воспринимать добро.

¹ Проселкова Т.В. К вопросу об основаниях науки // Вестник Ленинградского университета, серия «Философия», № 3 (том 2), 2011.